

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

К.С. Голиков

ПОДЛИННОСТЬ И ОБМАНЫ ЧУВСТВ: ЯСПЕРС О ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО МИРА

Аннотация. Статья посвящена феномену чувств как глубинному фундаменту человеческой экзистенции. Уделяется внимание выявлению противоречивой природы и замысловатых комбинаций этих изначальных и уникальных волнений души. С позиций психопатологии автор исследует вопрос: «В какой степени уникальность человека определяет природу его болезни, и в какой мере осмысление болезни подводит личность к постижению запредельных, трансцендентных основ ее бытия». Рассматривается важность эмоциональной логики и роль, которую она играет в структурировании индивидуального опыта, направляющего жизнь личности. Каково место эмоций в общей значимой структуре паталогического синдрома? В какой мере личность ответственна за выздоровление? Какова связь между свободой и природой (например, наследственностью) в психологическом страдании? Исследуя эти вопросы, автор склоняется к тому, что свобода и ответственность каждого индивида имеют ключевое значение. Обсуждается комплексная природа эмпатического резонанса: в частности, необходимость сохранения баланса эмпатического слияния при работе со сложными эмоциями, серьезные ограничения эмпатического процесса, ошибочное принятие глубинного понимания за эмпатию.

Ключевые слова: чувства, эмоциональный опыт, психопатология, личность, рефлексия, внутренняя история жизни, эмпатия, свобода, ответственность, трансценденция.

K.S. Golikov

Authenticity and deceptions of feelings: Jaspers about the phenomenology of emotional world

Summary. The article is devoted to the phenomenon of feelings as a deep foundation of human existence. Attention is paid to revealing the contradictory nature and intricate combinations of these original and unique emotions of the soul. From the standpoint of psychopathology, the author explores the question: «To what extent does the uniqueness of a person determine the nature of his illness, and to what extent does the comprehension of the disease lead the person to comprehend the transcendent foundations of its being.» The importance of emotional logic and the role it plays in structuring individual experience, guiding a person's life, are considered. What is the place of emotions in the overall significant structure of the pathological syndrome? To what extent is the person responsible for recovery? What is the connection between freedom and nature (for example, heredity) in psychological suffering? Investigating these issues, the author tends to the fact that the freedom and responsibility of each individual is of key importance. The complex nature of empathic resonance is discussed: in particular, the need to maintain a balance of empathic fusion when dealing with complex emotions, severe limitations of the empathic process, mistaken acceptance of a deep understanding for empathy.

Keywords: feelings, emotional experience, psychopathology, personality, reflection, inner life history, empathy, freedom, responsibility, transcendence.

Ясперс дал право на существование не только логике интеллекта, но и логике чувств. При этом, оставаясь опытным практиком и наблюдателем, он избегал установки жестких аксиом о человеке, много раз указывая, что противоречивость и парадокс есть и будут основой человеческой природы, сутью любого личностного движения и развития. Экспертиза эмоционального мира связана у немецкого философа с тем периодом его творчества, когда он занимался психопатологией. Поэтому его интересовали не только эмоции сами по себе, но и их «изнанка», их причудливые модификации.

«Существует практически всеобщее согласие относительно того, что мы называем ощущением, а также, возможно, инстинктивным влечением и волевым актом. Что касается термина и понятия «чувства», — писал К. Ясперс, — то здесь все еще царит неясность. Мы все еще не можем быть уверены, что имеется в виду под словом «чувство» в каждом отдельном случае. Обычно «термином «чувство» обозначается любое событие психической жизни, которое явно не может быть отождествлено с осознанием объективной реальности, инстинктивным побуждением или волевым актом» [12]. Ясперс считал, что весь этот разнородный набор данных, которые мы называем «чувствами» до сих пор не был удовлетворительно проанализирован с философской и психологической точки зрения. В чем именно базовый элемент (или набор элементов) чувства.

Что касается психопатологии Ясперса — это объединение множества дисциплин. Как психиатр и философ, он исследовал ответы на вопрос «что такое ненормальность?», чему служат на самом деле симптомы заболевания, почему и как они возникли. Для Ясперса необходимо было определить как можно точнее связь чувств с другими областями существования человека: познанием, действием, ценностями личности, что и позволило ему привнести в медицинскую практику мощные философские обоснования. Несмотря на то, что строгой и четкой системы анализа чувств Ясперс не создал, он положил начало формированию этой системы. И, что кажется наиболее значимым, указал на важнейшую связь эмоций и этики, чувств и ценностного мира человека, не претендуя на полное и окончательное определение «человеческой природы». В основе заболевания, полагал Ясперс, лежит не только страдание, но и отношение личности к своему эмоциональному опыту.

Эмоции лежат в основе всякого этического опыта, напрямую связаны с этическим проектом

самореализации человека. Например, разное качество чувства вины зависит, по Ясперсу, от разной глубины осознания себя, поднимаясь до уровней экзистенциально-религиозных, до самых серьезных вопросов, которые человек способен задать самому себе. Без ощущения вины человек не смог бы расти, двигаться дальше и перестраивать себя. Без эмоциональной сопричастности, без сострадания другому вообще не был бы возможен настоящий человеческий контакт, искренняя коммуникация между людьми. Эмоциональное понимание может быть мгновенным, интуитивным, вообще довербальным. Это душевное движение, порыв.

Вклад Ясперса в теорию эмоций вызвал неоднозначные оценки. Например, Стангеллини считал, что, несмотря на достижения в описательной и клинической областях, теория эмоций Ясперса остается неудовлетворительной: «На наш взгляд, не хватает развития структурного уровня психопатологии эмоционального опыта. Ясперс не дает нам всеобъемлющей теории эмоций, которая могла бы понять не только описательный и клинический аспект человеческого эмоционального опыта, но и более общую роль эмоций в совокупной значимой структуре патологического синдрома. Однако он все же дает нам интересные подсказки в этом направлении. Одна из таких подсказок — идея того, как соединить безобъектные чувства с развитием «личных миров», ознаменовавший важный шаг в нашем понимании душевной болезни и значимый по сегодняшний день. Описания экзистенциального страдания и патологий свидетельствуют о необходимости нахождения личностью причин беспокоящих ее чувств странности, инаковости и отчуждения. Взаимодействие непривязанных, находящихся в свободном полете чувств и пациента, который занимает позицию по отношению к ним, — краеугольный камень диалектической модели психопатологии т.е. рост «личных миров» из неинтенциональных чувств лежит в основании диалектического понимания бреда и других фундаментальных психопатологических феноменов» [17].

Другая подсказка — довольно схематичная попытка Ясперса связать внесознательные механизмы с сознательным чувством и познанием, особенно в части о нормальных механизмах. Глубокая связь между неподвластным воле источником эмоций и способом, которым они структурируют поле опыта и жизненный мир личности лежит в основе современного исследования эмоций [18] и связано с вопросом границ человеческого понимания. Психопатология Ясперса — это асимптотическое

(неограниченно приближающееся) знание, которое пытается довести понимание до его крайних границ, не игнорируя его ограничения. Артикуляция эмоций способствует осознанию того, что непроницаемо для познания или непонятно с точки зрения разума».

Стангеллини указывал на то, что эти подсказки, данные Ясперсом, ставят дилемму «неизбежной судьбы» и моральной ответственности, лежащую в основе любой патологии души, а также любой психотерапии. До какой степени личность может быть ответственна за свое собственное выздоровление? Каковы отношения между свободой и природой в душевном страдании? Можем ли мы найти искру свободы в темных областях душевного страдания и если да, то как помочь пациенту справиться с ответственностью артикулировать, осмыслить и, в конечном счете, побеждать то, что нарушает его хрупкое и уязвимое чувство бытия личностью?

Ясперс вполне отдавал себе отчет в том, что отказ от построения всеобъемлющей теории может вызвать возражения по поводу его работы, наиболее очевидным из которых было бы то, что его психопатология не дает какой-либо конкретной картины целого. Множество материала и различных подходов сбивает с толку, не возникает никакой картины больного человеческого бытия. Ясперс объясняет причины своего подхода таким образом: «важно, чтобы различия феноменов были достаточно ясными; несистематическая структура мотивирована сознательным отказом поддаваться какому-либо одному подходу; и так же важно, чтобы исследователь мира другого противостоял всем догматическим теориям».

Другими словами, мы не должны искать систематического устройства эмоционального опыта человека, показывая, как все, что мы знаем, имеет свое место внутри данной конструкции или является ее частью. Скорее необходимо организовать способ получения подобного знания». Ясперс предложил красивую метафору: «Синтез — это не набросок континента, но набросок возможных путей его исследования».

Нам нужен *метод*, а не «онтологическая теория человеческой жизни». У Ясперса есть множество причин для сомнений в сильных метафизических утверждениях об эмоциях и природе человека в целом. Так как мы можем знать о человеческой природе «только через себя, то есть только через контакт с человеком», мы не можем надеяться достигнуть утопического «взгляда из ниоткуда», который позволил бы нам построить научно достоверную теорию человеческой природы. Мы можем

надеяться в лучшем случае на критическое осознание *себя*, ключевое для определения методов установления контакта с другим. С точки зрения этики, каждый раз, когда происходит обобщение отдельного наблюдения в попытке установления общей теории, мы отказываемся от индивидуальной уникальности, переживаемой в контакте с каждым конкретным человеком.

Ясперс считал, что для исследователя человеческой души необходимо осознавать свою собственную философию и отношение к миру. Ведь объяснительная модель у врача — это его объяснение сущности человека, его *собственная философская позиция*, которую он распространяет на своих пациентов, это проекция мира врача на мир пациента. Вопрос ответственности является фундаментальным для психотерапии, потому что ответ врача на этот вопрос своим подходом к лечению и терапии (назначением лекарств, объяснительными моделями, критериями и т. п.) отражает его проявленное философское понимание человеческой природы.

Стангеллини считал, что «терапевтическая вовлеченность показывает, как описательная и клиническая психопатология может избежать в терапевтической работе применения базовых структурных представлений о душевной болезни, опирающихся на какую-либо концепцию значения человеческого бытия» [17]. Когда речь заходит о понимании человеческой природы и личной ответственности, эмоции, возможно, известным образом действительно вносят неясность в феномены нашей психики, и, мы полагаем, философское осознание Ясперсом данной неясности является причиной его неоднозначного отношения к человеческим эмоциям. Его нежелание строить общую теорию эмоций — неотъемлемая часть особой комбинации философии и науки, формирующей его мышление о человеческой природе, в психопатологии и философии. Ясперс работает в рамках так называемого «эмпирически-методологического картезианства» [19], характеризующегося строгим различием между научным объяснением (Erklären) и философским пониманием (Verstehen).

Не вдаваясь в долгие и сложные споры об этом методологическом дуализме в мышлении Ясперса, мы просто отметим, что хотя Ясперс признает и уважает обязательную объяснительную значимость биологического аспекта человеческой природы, он все же следует философскому убеждению, что свобода и ответственность каждого человека в отдельности играют главную роль в душевном страдании».

Множественность подходов Ясперса к изучению проблемы эмоций объясняется и междисциплинарностью, ведь по его собственным словам, «в психопатологии, как в фокусе, сосредотачиваются методы почти всех наук. Здесь находят свое применение такие разнообразные дисциплины, как биология и морфология, различные виды измерений и вычислений, статистика и математика, гуманитарные науки, социология. Зависимость от других областей знания и умение соответствующим образом адаптировать заимствованные из них методы и понятия имеют важное значение для психопатолога, предмет интересов которого — «человеческое» и, в частности, «человеческое» в состоянии болезни.

Сущность психопатологии как определенной области научного исследования выявляется только в рамках сложной, многоэлементной структуры, объединяющей все смежные дисциплины. Общая психопатология занимает свое место в непрерывном потоке попыток охватить психическую жизнь во всей ее целостности. Классификация может носить внешний характер: так, за основу может браться источник сведений (истории болезни, материалы следствия, собственные записи больных, фотографии, официальные досье, школьные отчеты, статистические материалы, протоколы экспериментальных тестов).

Но существенное значение имеет только такая классификация, которая исходит из природы наблюдаемых явлений. Имея это в виду, мы распределяем интересующие нас явления по четырем основным группам: *субъективные переживания больных, объективные показатели осуществления способностей, соматическое сопровождение психической жизни и значащие объективные проявления* (экспрессивные проявления, поведение и творчество). Значащие объективные проявления — это воспринимаемые феномены, имеющие психологически понятный смысл. Они делятся на три типа: телесные проявления и движения, которые мы понимаем непосредственно (их изучает психология экспрессии — *Ausdruckpsychologie*). Осмысленные действия и поведение, которые мы понимаем в контексте личностного мира (их изучает психология душевного мира личности — *Weltpsychologie*), и осмысленные порождения литературного, художественного, технического творчества (их изучает психология творчества — *Werkpsychologie*).

Наиболее интересным у Ясперса представляется изучение состояний и проявлений духа, который должен обрести форму, выразиться через человека. В этом вопросе он отходил от позиции

врача-психопатолога и становился философом. Психическая жизнь, с точки зрения Ясперса, вовлечена в постоянный процесс самообъективации: Она проявляется вовне благодаря таким неотъемлемо присущим человеку потребностям, как потребность в действии, потребность в самовыражении, потребность в представлении и потребность в общении. Наконец, в свои права вступает чисто духовная потребность — желание воочию увидеть сущее, себя самого и все то, что было обусловлено остальными фундаментальными потребностями.

Это последнее усилие по объективации может быть сформулировано в следующих словах: то, что обрело качество объективности, должно быть постигнуто и сформировано как некая общая объективность более высокого порядка. Я хочу знать, что же именно я знаю, и понять, что же именно оказалось доступно моему пониманию. Основной феномен духа состоит в том, что он вырастает на психологической почве, но сам по себе не имеет психической природы; это объективный смысл, мир, принадлежащий всем. Отдельный человек обретает дух только благодаря своему соучастию в обладании всеобщим духом, который передается исторически и дан человеку в форме, соответствующей каждому данному моменту времени.

Всеобщий или объективный дух постоянно присутствует и проявляет себя в обычаях, идеях и нормах общественной жизни, языке, достижениях науки, искусства, поэзии, а также во всех общественных институтах». Другое фундаментальное феноменологическое качество духа, по мнению Ясперса, состоит в том, что для души важно только то, что обрело форму, было проявлено в поступке или действии; с другой стороны, эта появившаяся новая реальность тоже оставляет свой отпечаток в душе: «То, что однажды стало словом, превращается в нечто непреодолимое. Став реальностью благодаря духу, душа одновременно вводится в некоторые пределы». Развитие человека как в индивидуальном, так и в историческом смысле никогда не остается пассивной трансформацией; это собственная внутренняя работа души и духа, идущей среди борьбы и превращения противоположностей.

Интересно, в чем и как видел Ясперс истинность или неистинность проявления чувств, души, духа. Поведение должно быть «невыученным», спонтанным, а реакция — непосредственной, живой. Сила переживания сама по себе не означает движения к патологии, важно то, с чем она сочетается. «Объективация духа происходит при посредстве структур, речевых форм, разнообразных форм деятельности и поведения; но истинное

воспроизведение может замещаться автоматизмом речи, условной мимикой и жестикულიцией. Истинные символы исчезают, уступая место будто бы известному содержанию суеверий; аутентичный источник замещается рационализацией. Соответственно, в душевной болезни существенную роль играют два взаимно противоположных фактора: высшая степень механического и автоматического поведения и потрясающая живость переживаний, всецело захватывающих душу. В болезни осуществляются все экстремальные возможности».

Ясперс и как врач, и как философ подходит к понятию личности, постоянно напоминая о том, что человек всегда остается проектом для самого себя. Личность — тот человек, кто становится, совпадая в проявленной реальности с самим собой. Выбор, занятие позиции помогает утвердить, проявить личность для мира. Психология не в состоянии ответить на вопрос о том, *чем именно является данный, и именно данный человек*. Любая роль может быть отделена от самой личности, не идентична ей, она всегда меньше, чем личность. Удивительно, что Ясперс дает каждому человеку как личности самые твердые позиции для развития и роста, допускает высокие возможности — и при этом указывает, что эту личность как структуру невозможно «ухватить»: «для нас остается неясным, что представляет собой сама личность».

С нашей точки зрения она есть то ли нечто внешнее, то ли нечто психологически непостижимое: глубинная природа, которая никогда не выявляет себя, или внутренняя стихия, никогда не обращающаяся вовне, то есть эмпирически не существующая. По отношению к этой стихии любое осознание личности носит поверхностный характер. Ситуация выглядит иначе, когда человек, совершая определенное решительное действие или принимая определенную окончательную установку, *отождествляет себя* с собственной реальностью в окружающем мире.

В этом случае человеческое бытие, погруженное в свой исторический контекст, может рассматриваться либо психологически — и тогда оно становится чем-то ограниченным, фиксированным и неподвижным, — либо как подлинное «бытие самости», трансцендентное по отношению к любой «наблюдаемости», к любой рефлексии. Это чистое, не рефлексующее бытие самости на вершине бесконечной рефлексии. Для эмпирического знания его не существует; когда оно есть, оно выявляется не в универсалиях, а лишь в исторически обусловленной коммуникации. Соответственно, любые проявления самоидентификации человека

с собственной реальностью в окружающем мире характеризуются двойственностью: они могут означать либо момент крайней деградации человека, либо момент высшей полноты его самоосуществления».

Противоречия и противопоставления в каждом человеке подчеркивают пограничность проявления человеческого бытия: одна и та же сила может вести и к распаду, и в прорыв, и даже в психозе может проявиться огромная символическая глубина. Для верного исследования болезни остается находить ее основание, фундаментальное знание человека о самом себе. То же самое, полагает Ясперс, следует искать в пациенте или в любом собеседнике: «Понимание мыслей и процессов мышления другого человека учит нас видеть сильные, не поддающиеся воздействиям извне стороны его природы, его внутренние *святыни и абсолюты*» [12, с. 313]. То есть так можно увидеть истинную суть человека, то, что он считает незыблемо важным.

Важнейшая позиция Ясперса заключается в признании того, что человек формируется своими переживаниями, протяженной во времени историей, сцепкой впечатлений, следующих одно за другим, вытачивающих оптику, через которую он будет смотреть на все новые события своей жизни. В этом смысле Ясперс не мог не признать заслуг Фрейда. «Психоанализ придал новый, энергичный импульс развитию внимательного отношения к *внутренней истории жизни* отдельного человека. Человек становится тем, что он есть, благодаря своим прежним переживаниям. Детство, младенчество, даже внутриутробный период должны играть решающую роль в формировании фундаментальных установок, влечений и существенно важных характеристик личности. Можно сказать, что именно судьба, переживания и потрясения человека в значительной степени объясняют то, чем этот человек сделался в ходе своего развития, что он собой представляет в каждый момент времени, как функционируют его соматическая и психосоматическая сферы, чего он хочет, каковы его основные ценности» [12, с. 320].

Переживания могут быть не только прожиты, но и осознаны человеком впоследствии, причем интересно, что потребность в размышлениях о том, что же почувствовалось, что было прожито на самом деле и что это переживание теперь означает, чаще возникает только после проживания дискомфортных, конфликтных, угрожающих или просто неприятных ситуаций. Ясперс считал, что «рефлексия не возникает *на естественном* пути жизни, который для нас во многом неясен, но включает

в себя все то, что в нашей жизни является самоочевидным, безопасным, не проблематичным, то есть противоречащим любому рефлексированию» [12, с. 102]. Причем этот внутренний самоанализ не является бесплодным перебором ярлыков, наклеиваемых на чувства: «Рефлексируя, я не только познаю себя, но и влияю на самого себя. Во мне не просто что-то происходит: я к тому же еще и планирую, побуждаю, формирую то, что происходит внутри меня. Я могу, так сказать, впитывать действительность в себя, могу вызывать ее и управлять ею». Ясперс постоянно писал о том, что человека формирует именно выбор переживания и его смысла, занятие позиции, действие, поступок.

Ясперс полагал, что рефлексия ведет и к развитию эмпатии, вещи по существу диалогичной. Она не существует отдельно, сама по себе, а проявляется в созвучии чувств и переживаний двух человек *в контакте*. Эмпатия — сплетение двух потоков, происходящее в определенное мгновение, оно хрупко, кратковременно, уникально и бесценно. Одностороннее сопереживание еще не будет эмпатией, полную силу она получает только с отражением чувства, с подтверждением другого, что он был правильно понят. Эмпатия как коммуникативный процесс диалогична: сообщение понимания другого и реакция на это понимание в ответ могут быть важнее для эмпатической ясности, чем момент аффективной гармонии. В самом простом примере это может быть разделенное переживание двоих, присутствующих на спектакле: аффективно они находятся в общем потоке, но без обсуждения пережитых впечатлений подлинного понимания и контакта между ними не произойдет.

О процессе эмпатического понимания интересно писал Лоренс Кирмаер, отмечая, что эмпатия действует как резонанс — это и отражение другого, и слияние взаимных потоков. Эмпатия начинается не просто с открытости и внимательности, но с определения защищенного пространства, позволяющего чувствовать другого, и самое главное, с контакта, дающего нам почувствовать живой мир другого. Конечно, эмпатия как любой другой осознанный опыт, может создавать иллюзию бытия в моменте, но в действительности представляет соединение длящихся линий повествования, альтернативных историй, рассказываемых с двух разных точек зрения, которые могут сблизиться или разойтись, и на момент переплестись, если эмпатия удастся.

Полностью следуя в этой теме за Ясперсом, Кирмаер пишет: «В клинической обстановке живой мир пациента отсутствует, и его можно вообразить

или исследовать, только если будут поставлены нужные вопросы. Главное, что пациенты могут ясно прокомментировать или передать только очень малую часть информации, необходимой для истинной эмпатии. Не потому что им недостает умения выражать себя или открытости общению, но потому, что значительная часть этой информации представляет собой молчаливое, процессуальное знание или иным образом включена в более широкий социальный и исторический контекст» [16].

Эмпатия должна быть протяженным во времени процессом. Мы присоединяемся к потоку. Если эмоции — это повествовательные конструкции, закрепленные в личной истории, эмпатия требует понимания этого повествования. Когнитивные теории эмоций подчеркивают, что сложные чувства подразумевают не только телесные предрасположенности к определенным реакциям, но и оценки или толкования личного и социального значения ситуаций. Некоторые из этих значений закодированы в представлениях о прошлых событиях, некоторые выражаются в позиции или предрасположенности к ответу, третьи представляют собой возможные образы действия с ожидаемыми последствиями и реакцией окружающих.

Таким образом, эмоция вплетена в сеть значений, связывающую прошлое, настоящее и будущее посредством приобретенных привычек и навыков, воспоминаний, образов и социального контекста, который оказывает постоянное влияние на опыт. Чтобы достичь истинной, глубокой эмпатии, нужно войти в поток, продлить это созвучие с другим, чтобы узнать слои, последовательность и текстуру сложных эмоций, их многоуровневость. *Нужно не только отзываться на чувства другого, но и соблюдать баланс эмпатического слияния*. Эмпатия врача требует управлять чувствами и проекциями для выявления тех, которые больше всего подходят, чтобы отразить чувства пациента — особенно чтобы выдержать отрицательный аффект и дискомфорт, управлять его интенсивностью и не терять из виду другую личность.

Избыток эмпатии ведет к отстранению от слишком сильных чувств, к защите или присвоению чужого опыта и, главное, поглощению его собственными мыслями и чувствами. Эмпатия, соединенная со знанием причин страдания, ведет к состраданию. Однако это не автоматический результат эмпатии. Эмпатия позволяет нам чувствовать что-то из того, что чувствует другой, но все это появляется среди наших собственных проблем, хлопот и обязательств, а потому моментально приобретает новое значение и следствия. Первоначального момента

эмпатии недостаточно для того, чтобы видеть другого — нам нужны определенные модели его ситуации и острое осознание ее особенности. Момент проживания чувства другого также не дает гарантии нашей доброты и участия: эмпатия может служить садизму с тем же успехом, что и состраданию. Эмпатия приводит к сострадательному действию, только если она связана с моральными обязательствами перед самим собой.

Эмпатия может выходить далеко за пределы участия к эмоциям другого и включать всю его субъективность. Понимание природы субъективности, таким образом, крайне важно для понимания динамики, возможностей и границ эмпатии. Ясперс полагал, что познавать другого можно сколько угодно долго, поскольку определить все чувства и эмоциональные связи другой личности попросту невозможно — для этого надо как минимум прожить жизнь за другого, к тому же отказавшись от собственной личности и опыта. Полное понимание — как цель, поставленная за горизонтом, цель, к которой психопатолог или философ постоянно двигается в работе, никогда не достигая. И тем не менее, границы эмпатии исследовать стоит, потому что это позволяет изучить трудности в понимании пациента.

Эмпатическая реакция зависит от доступа к системе ассоциаций, связанных двумя логическими системами. Аффективной логикой того, как одна эмоция связана с другой и следует из нее — в структуре реакции, которая частично врожденна, а частично приобретена; и социальной логикой значения определенных ситуаций, проблем и сценариев — в структуре реакции, которая преимущественно приобретена обучением правилам и практикам социального мира. Максимальное приближение к чувствам другого требует творческой реконструкции и проживания части их мира — что просто требует взятия за скобки или выведения из центра нашей собственной привычной точки зрения.

Неспособность к эмпатии может быть вызвана несоответствием чувства нашей эмоциональной логике (мы никогда не испытывали унижения) или недостатком социальных знаний и опыта для создания верной модели или вызова нужной реакции в определенной ситуации. С социально-психологической точки зрения можно утверждать, что в принципе не существует границ эмпатии, потому что не существует отчетливого опыта, лежащего за границами социально созданного или сформированного опыта, в котором другие присутствуют так же и так же важны, как и я. Опыт сам по себе изначально обладает межличностным и интерсубъективным

характером. Однако интерсубъективная природа опыта не гарантирует возможность эмпатии в каждом случае по следующим причинам: (1) ему предшествует много невыраженного опыта, для которого не находится слов; (2) всегда есть островки своеобразного, аномального, чуждого и уникального опыта, возникающие в личном внутреннем пространстве на границах культурно предписанных ролей, правил и практик; и (3) люди живут в разных социальных и культурных мирах.

Эти три факта говорят о серьезных ограничениях эмпатии. Ясперс не писал об этом прямо, поскольку в годы его жизни межкультуральная разница не была, возможно, распространенной проблемой в развитом обществе, чего не скажешь о нашем современном мире, в котором огромное количество людей живет, учится и работает, сменяя в течение жизни города, страны, стиль жизни и языки. Но Ясперс отметил любопытную вещь, которая может послужить напутствием любому исследователю человеческих душ: всегда нужно искать именно невыразимое, непонятное, сбивающее с толку, удивляющее — вот что должно быть двигателем для психолога, психотерапевта, писателя, социального работника. Готовность выпасть в чуждый тебе, совершенно новый космос другого человека, где неприменимы могут быть законы твоей собственной, такой понятной и устойчивой реальности. Самый нужный и стабильный ориентир для честного исследователя, по Ясперсу — растерянность, удивление, отчаяние от невозможности понять, потеря почвы под ногами... Свободное падение, иногда переходящее в свободный полет — если эмпатия и созвучие будут достигнуты.

Ясперс постоянно подчеркивал, какие сложности подстерегают нас, когда мы уверены в том, что действительно полностью поняли другого — когда опыт кажется ясным и очевидным, тем более что мы можем спутать эмпатию с глубоким пониманием. Мы можем объяснить только отдельные аспекты чужого опыта, но не личность. Самое опасное — принять человека как данность, встроить в схему привычного, знакомого мировосприятия, «взяться за него», игнорируя его собственный опыт. Ясперс на протяжении всей «Общей психопатологии» настаивал, что ключевая тема в обучении врачей — отучить от привычки полагать, что совершенно очевидно, о чем говорит пришедший пациент, о чем говорят симптомы его страдания. Может казаться, что мотивы и чувства действующих лиц клиентской истории знакомы и понятны: мы автоматически проецируем свой опыт на его рассказы. Но на самом деле разница может оказаться

колоссальной, если удосужиться проверить с клиентом свои предположения вслух.

Несмотря на центральное место чувств в клиническом и экзистенциальном анализе Ясперса, он не дает *систематической и непротиворечивой теории человеческих эмоций*, ни в «Общей психопатологии», ни в прочих психопатологических работах, ни в «Психологии мировоззрений» или философских работах. Хотя в «Общей психопатологии» он прилагает много усилий, чтобы описать и ранжировать различные чувства и аффективные состояния, чтобы исследовать, какие ненормальные аффективные состояния связаны с какими нозографическими синдромами, и попытаться осмыслить связь между эмоциями и внесознательными механизмами, эти усилия распределены неравномерно и дают фрагментарную картину человеческого эмоционального опыта. Читателю, так сказать, показывают отдельные деревья, но не дают панорамы всего леса. Ясперс признает возможность всестороннего анализа отдельных чувств и аффективных состояний, но говоря, что такой подход в большинстве случаев «приводит только к открытию множества тривиальностей», он открыто отрицает возможность того, что чувства могут сказать нам что-либо о причине и истоках душевной болезни: «Существуют попытки вывести практически все ненормальные феномены из чувств. Если пользоваться термином «чувство» для определения всего, что охватывает обычное употребление этого слова, в этом всегда есть доля правды, но тогда мы многое теряем при сведении к чувствам, например, бреда. Признавалось, что бред бессмысленности, греховности и истощения предположительно возникает из рационально понятого депрессивного аффекта, что депрессивный пациент заключал, что существует нечто, сделавшее его таким несчастным. Люди также хотели объяснить бред преследования аффектом недоверия, бред величия — эйфорическим настроением, но не осознавали, что таким образом можно понять обычные ошибки и переоцененные идеи, но не бред. Более того, пугающие галлюцинации во сне, при лихорадке, или психоз связывались с некоторого рода условным беспокойством, и так далее... Мы можем действительно находить значимые связи, и они могут сказать нам нечто об отношении содержания бреда к предыдущему опыту, но ничего не сказать о том, как бред, мнимые восприятия и т.п. могли появиться вообще».

Поэтому, хотя чувства и играют главную роль в проявлении и дальнейшем развитии душевной болезни, они бесполезны для понимания того, *почему и как человек страдает от нее*. Другими словами,

отношение Ясперса к роли эмоций в душевной болезни представляется довольно неоднозначным. Но тем не менее нельзя недооценивать его системный подход при построении классификации чувств.

Чувства и эмоциональные состояния в описании Ясперса. Его классификация.

В первой части «Общей психопатологии» Ясперс описывает феноменологию индивидуальных черт нашей душевной жизни. Раздел называется «Чувства и эмоциональные состояния» и разделен на «Психологическое введение» и «Классификацию аномальных состояний чувств». [31] Второй — это раздел, где Ясперс исследует значимые связи в нашей душевной жизни с точки зрения внесознательных механизмов. Данный раздел называется «Нормальные механизмы» и наиболее важны здесь первые два подраздела «Реакции опыта» и «Влияние предыдущего опыта».

Ясперс перечислял своих предшественников на тернистом пути систематизации чувств, сообщал, что слово и понятие «чувство» остается крайне неясным и, кажется, относится «ко всему, чему не нашли другого имени». В то же время, однако, он хотел избежать описания банальностей, поэтому намеревался дать синтез предыдущих классификаций чувств. Результатом стал следующий каталог [12, с. 81]:

1. С феноменологической точки зрения. У нас есть три основных способа различения чувств:

(а) чувства, которые являются аспектом сознания личности и тем самым самоопределения отличаются от чувств, окрашивающих сознание предмета;

(б) различение путем противопоставления, например, удовольствия и неудовольствия, напряжения и расслабления, возбуждения и спокойствия;

(в) чувства без объекта, например, то, как я чувствую в определенной ситуации, противопоставляются чувствам, направленным на какой-либо объект.

2. По объекту. Чувства-фантазии, направленные на предположения, противопоставляются серьезным чувствам, направленным на действительные объекты. Кроме того, существуют чувства ценности, которые направлены либо на чувства самой личности, либо на нечто внешнее, а также могут быть либо утвердительными, либо отрицательными (гордыня или смирение, любовь или ненависть).

3. По источнику. Данная классификация проводится по различным слоям нашей душевной жизни. Здесь выделяются четыре вида чувств:

(а) локализованные чувственные ощущения,
(б) витальные чувства, затрагивающие все тело,
(в) психические чувства (например, грусть, радость), и

(г) духовные чувства (например, состояние благодати).

4. По значимости. Значимость чувства для жизни или жизненных задач, например, чувство радости может считаться выражением выполнения определенной жизненной задачи.

5. Частные чувства и всеобъемлющие чувства. Частные чувства направлены на определенные объекты или частичные аспекты целого, а во всеобъемлющих чувствах отдельные элементы сливаются в общие аффективные состояния, например, радость, «чувство жизни» и т. п.

6. По интенсивности и продолжительности. Ясперс следует тому, что называет «старым и практичным» различием:

(а) чувства — уникальные и изначальные волнения души;

(б) аффекты — мгновенные и комплексные эмоциональные процессы большой интенсивности, сопровождающиеся телесными феноменами и последствиями; и

(в) настроения — состояния сознания или внутреннее расположение человека; настроение является результатом продолжительных чувств и окрашивает всю душевную жизнь на протяжении своей длительности.

7. Чувства и ощущения. Чувства — это состояния «Я», а ощущения — элементы восприятия окружения и собственного тела (например, цвет, тон, температура). Вторые, далее, различаются на ощущения, которые направлены на объект, и те, что просто выражают состояние тела. Между данными полюсами находятся ощущения, которые одновременно направлены на объект и выражают состояние тел, то есть чувства-ощущения, при которых чувства, аффекты и порывы составляют единое целое, как в случае, например, с голодом, жаждой, усталостью, сексуальным возбуждением.

Список литературы

1. *Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа: познание и врачевание от древности и до наших дней. М.: Прогресс-Культура, 1995.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
3. *Вальденфельс Б.* Ключевая роль тела в феноменологии Мориса Мерло-Понти // Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск: Логвинов, 2006.
4. *Власова О.А.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010.
5. *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Собрание сочинений в 6 тт. Т. 1: Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С.270–730.
6. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
7. *Руткевич А.М.* «Понимающая психология» К. Ясперса // История философии. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 1997. С. 23–32.
8. *Ткаченко А.А.* Карл Ясперс и феноменологический поворот в психиатрии // Логос. 1992. № 3. С. 136–145.
9. *Фрейд З.* Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании случая паранойи // Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М.: Когито-Центр, 2007.
10. *Фуко М.* Психическая болезнь и личность. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009.
11. *Ясперс К.* Каузальные и «понятные» связи между жизненной ситуацией и психозом при dementia praecox (шизофрении) // Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии. М., 1996.
12. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
13. *Ясперс К.* Феноменологическое направление исследований в психопатологии // Ясперс К. Собрание сочинений по психопатологии. М: Академия, Белый кролик, 1996.
14. *Fulford K.W.M., Stanghellini G., Broome M.* What can philosophy do for psychiatry? // World Psychiatry. 2004. No. 3. P. 130–135.
15. *Hofmann B.* The concept of disease — vague, complex, or just indefinable? // Medical Health Care and Philosophy. 2010. No. 13. P. 3–10.
16. *Kirmayer L.* Re-Visioning Psychiatry: Cultural Phenomenology, Critical Neuroscience, and Global Mental Health // Cambridge University Press, 2015.
17. *Stanghellini G.* Disembodied Spirits and Deanimated Bodies: The Psychopathology of Common Sense. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
18. *Stocker, M.* (with Hegeman, E.) Valuing emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
19. *Wiehl, R.* (2007). Philosophie und Wissenschaft bei Karl Jaspers. Jahrbuch der Österreichischen Karl Jaspers Gesellschaft, 20, 9–30.